

УЛИЧАНЕ НА СТРАЖЕ СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАНЗЕЙСКОЙ ПЕРЕПИСКИ XV в.)

Среди проблем истории средневекового Новгорода едва ли не наиболее спорным является вопрос о его копчанском, сотенном и уличанском территориальном устройстве и управлении. В литературе имеются разные точки зрения на происхождение, характер и функции этих организаций.¹ Интересующей нас в первую очередь уличанской организации много внимания уделяли Я. Н. Щапов, В. Л. Янин и Б. А. Колчин.² Важным из их выводов является то, что уличанское объединение включало в себя новгородцев разных социальных слоев, но несомненно под руководством бояр. О взаимоотношениях приходского духовенства с уличанской администрацией писал А. С. Хорошев.³

Неполнота письменных источников по вопросу о самоуправлении уличаи и по многим другим проблемам ставит перед историком задачу комплексного подхода к источникам, при котором могут быть учтены самые разные свидетельства о Новгороде как письменных, так и археологических источников. «Изучение истории Новгорода, — пишет В. Л. Янин, — немыслимо вне постоянно возникающей в ходе исследования перекрестной проверки показаний разных источников».⁴

В настоящей статье некоторые стороны жизни уличанских организаций Новгорода XV в. будут проиллюстрированы примерами из переписки ганзейских купцов, пребывавших в своих гостиных дворах в Новгороде, с властями ливонских городов (которые фактически берут в свои руки руководство ганзейскими торговыми дворами в Новгороде).⁵ Материалы этой переписки сопоставляются с имеющимися археологическими данными.

Обширный комплекс писем ганзейцев, опубликованный на языке оригиналов, к сожалению, в недостаточной мере привлекается авторами, исследующими историю средневекового Новго-

---

¹ О полемике по вопросу деления городского населения Великого Новгорода см.: Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. — Истор. записки, 1979, т. 103, с. 252—253.

² Щапов Я. Н. О функциях общины в Древней Руси. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 19—20; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 47.

³ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980, с. 115—116, 120—121.

⁴ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977, с. 237.

⁵ Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV—начало XVI в. Л., 1975, с. 116.

рода и Пскова.⁶ И. А. Казакова, широко пользующаяся этими источниками в своих исследованиях, дает им такую характеристику: «Пожалуй, самый интересный и живой материал дают письма властей Немецкого двора. . . Порою в бесхитростный рассказ письма вплетаются бытовые сценки, изображенные так ярко, что теперь, через пять столетий, видишь, как живых, людей и события того времени. . . Эти письма сохранили подлинное дыхание эпохи».⁷

Так как предметом настоящего исследования являются территориальные конфликты уличан с единой администрацией двух гостиных дворов, которыми владели ганзейцы в XV в., напомним, что так называемый Немецкий двор находился на Ильиной улице, а Готский двор — на Михайловой улице.⁸

Как известно, ганзейские купцы приезжали в Новгород двумя заездами: один — на летний сезон водным путем по Неве и Волхову, другие же — на зиму санным путем с помощью нанятых русских возчиков или же на своих лошадях. Каждый сезонный коллектив купцов управлялся присяжными старостами, иначе ольдерманами (olderman) и не присягавшими представителями (vorstender) отдельных групп купцов, а в русской литературе они называются «надзирателями».

Но эти должностные лица двора были сезонными, а когда купцов во дворе было мало, они совсем отсутствовали. Поэтому наиболее известным новгородцам должностным лицом из немцев был единственный, кроме священника при церкви, наемный служащий двора, по-немецки hovesknecht, т. е. «слуга двора». В русской терминологии феодального периода этому соответствует «дворник», т. е., согласно «Словарю русского языка XI—XVII вв.», «лицо, ведавшее подворьем или гостиным двором»; в современном понимании — это «заведующий хозяйством». В русской научной литературе со времен А. И. Пикитского это должностное лицо принято называть «приказчиком двора». В его функции входило следить за состоянием дворовых построек и оград и организовывать, когда требовалось, их ремонт. В качестве постоянно живущего зиму и лето во дворе должностного лица приказчик был часто вынужден заменять присяжных ольдерманов в сношениях с новгородскими властями. Так, в договорной грамоте Великого Новгорода с немецким купечеством (1439 г., ранее февраля 11) Ганс Мунстедте назван в двух должностях:

---

⁶ Публикации см.: Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch (далее — LUB). 1. Abt. Reval; Riga; Moskau, 1853—1910, Bd I—X; 2. Abt. Riga; Moskau, 1900—1905, Bd I—II; Hansisches Urkundenbuch. Halle a/S; München; Leipzig, 1876—1916, Bd I—XI (далее — HUB).

⁷ Казакова И. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, с. 23.

⁸ См.: Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978, с. 121—153; а также: Рыбина Е. А. 1) Готский раскоп. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 197—226; 2) Раскопки Готского двора в Новгороде. — Сов. археология, 1973, № 3, с. 100—107.

старосты (ольдермана) и приказчика двора.⁹ По словам А. И. Никитского, приказчик двора в XV в. «стал чуть ли не главным представителем конторы» [т. е. Немецкого двора].¹⁰ В виде вознаграждения за труд ему было предоставлено право содержать на территории двора корчму и продавать русским и немцам спиртные напитки в разлив и на вынос как днем, так и ночью. (Не следует забывать, что сами ганзейские купцы имели в Новгороде право торговать только оптом и только в стенах своих дворов). Но вследствие частых нарушений общественного порядка в корчме в 40-е гг. XV в. она была закрыта и приказчик получил право продавать напитки лишь бочками и ведрами на вынос, причем только днем.¹¹

Частыми были конфликты приказчиков двора с уличанскими организациями в случаях ремонта или восстановления тына, т. е. частокола из мощных столбов, которыми были окружены немецкие дворы, а также из-за замощения немцами участков вне ограды дворов. Например, в начале второго десятилетия XV в. двор сообщает в Ревель, что русские подрубают частокол и теснят его внутрь двора и грозятся срубить мостовую перед Готским двором.¹² В 1426 г. ганзейские послы велели приказчику восстановить ограду Немецкого двора, но жители Ильиной улицы вос-

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). № 68, с. 113.

¹⁰ Подробнее см.: *Никитский А. И.* История экономического быта Великого Новгорода. — ЧОИДР. М., 1893, вып. 165, кн. 3, раздел IV, исследование, с. 242—248. — Эта работа А. И. Никитского в 1893 г. (посмертно) была издана также отдельной книгой.

¹¹ Приказчик двора должен был хорошо владеть русским языком. Действительно, мы имеем известие, что в 1430 г. эту должность занимал бывший профессиональный толмач (LUB, Bd VIII, № 275, письмо от 20 августа 1430 г.). Такие условия работы позволяли властям ганзейских городов использовать приказчиков двора в качестве тайных осведомителей, поручая им узнавать о намерениях республиканских властей и настроениях Новгорода. Так, дерптский магистрат, по словам приказчика, дал ему указание расспросить и разузнать, «вроде ка бы от себя», желают ли новгородцы присылки посольства от ливонских городов (Ibid.: «vorhoren unde vortasten... with my sulven»). В другом письме — просьба «скрытым образом» узнать, не откажутся ли новгородцы от возврата им определенной партии товаров (HUB, Bd VI, № 397 (1421), «verborgener wiise»). Новгородцев, дававших такого рода информацию, ганзейцы называли «нашими тайными друзьями» (LUB, Bd IV, № 1555 (1400), «unse hemeliken vrunde»). По тесное общение с большим числом новгородцев имело следствием появление у приказчика среди русских не только тайных и явных друзей, но и врагов. В 1442 г. приказчик Мунстедте пишет, что один новгородец из мести за своего брата намерен его убить, а ему в день приходится по 10—12 раз ходить с одного немецкого двора на другой; в торговых рядах он уже не осмеливается показываться. Далее он пишет, что если ему удастся унести из Новгорода ноги, то никто уже не сможет его заставить вновь наняться на работу в новгородском ганзейском дворе (LUB, Bd IX, № 816, 14 февраля 1442 г.).

¹² LUB, Bd IV, № 1919, [1412 г.]. — Что касается мостовой, то речь здесь идет не о замощении Михайловой улицы, а о замощении участка вне стен Готского двора. Возможно, эта мостовая вела к немецкому вымолу (пристани на Волхове).

противились этому и несколько раз прогоняли плотников. Приказчик неоднократно бегал к посаднику и тысяцкому, пока они не разрешили ставить частокол точно по местам старых столбов, но они лично должны были прийти на место события и унять уличае.¹³

Правовую основу возникновения и улаживания этих конфликтов мы узнаем из проекта договора Новгорода с Готским берегом 1269 г. Там сказано: «... и где был издавна тын вокруг двора, там, если старый тын вырвут, поставить новый и не захватывать больше».¹⁴ Хотя в последующих договорных грамотах мы этого пункта больше не находим, но он стал «правовой стариной», все уличае даже 200 лет спустя прекрасно знали и добивались его соблюдения. Число примеров можно было бы умножить, наиболее же подробное описание такого конфликта относится к 1439 г. Перевод той части письма Немецкого гостиного двора, которая касается конфликта, мы приводим.¹⁵

«Почтенным господам, бургомистрам и магистрату Ревеля, срочно направляется [это] письмо.

Наш дружеский привет с наилучшими пожеланиями. Почтенные дорогие господа. Мы просим Вас принять во внимание то, о чем купцы, пожалуй, Вам уже писали, [а именно:] денежные поборы, которым они подвергаются здесь, все больше и больше. Самые большие [неприятности] мы терпим от улицы св. Михаила. Особенно, [когда] в прошлом году был тысяцкий по имени Иван Лукинич¹⁶ («Sunderges was to jar eyn herteghe, de het Juwane Luke...»). Он несправедливо присуждал немцев к уплате высоких штрафов, о чем Вам, вероятно, уже писали.

¹³ НУВ, Bd VI, № 97, 1416 г.

¹⁴ ГВНП, № 31, с. 60.

¹⁵ Текст письма ганзейских купцов в Новгороде был написан в двух экземплярах и послан магистратам городов Таллина и Тарту. Власти последнего в свою очередь послали заверенную копию этого письма в Таллин. Оба экземпляра хранились в Таллинском магистратском архиве. Они отличались друг от друга только описками переписчика. На основании этих двух текстов письмо было издано (LUB, Bd IX, S. 391—396). Датировано письмо 28 декабря 1439 г.

¹⁶ Издатель письма Г. Гильдебрандт, не будучи знаком со сроками пребывания на степенях посадников и тысяцких и с процедурой их смены, пишет в подстрочном примечании к этому предложению: «[Иван Лукинич], пожалуй, далее [в письме] более правильно назван посадником, так как в качестве тогдашнего тысяцкого ниже выступает Апанья Семенович (Ananic Smonewitz)». Добавим, что если исходить из текста письма, то оно не содержит никакой путаницы в вопросе, когда Иван Лукинич занимал ту или иную должность. Письмо датировано 28 декабря 1439 г., при описании новгородско-немецкого конфликта этого года из-за новых ворот Готского двора в нем посадником (borgermester) назван Иван Лукинич, из чего можно заключить, что он был степенным посадником с февраля 1439 г. В первом же абзаце письма про него сказано, что он в прошлом году (to jar), т. е. в 1438 г., был степенным тысяцким. В. Л. Янин в книге о новгородских посадниках реконструировал первый срок пребывания Ивана Лукиничича на степенях посадника и выбрал для этого 1438 г. (Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 284). Данные письма позволяют уточнить этот вопрос. Об Апанье Семеновиче см.: Там же, с. 377.

Далее случилось, что когда [приказчик двора] Мунстедде велел поставить [новые] ворота [в ограде] Готского двора на улице св. Михаила, то три или четыре раза присутствовали при этом старосты улицы св. Михаила и наблюдали, как выкапывались старые косяки ворот; [на их место] ставились новые, которые оказались несколько толще старых, а они [уличане] свои мостовые [плахи] вплотную приладили к старым косякам, которые не выступали за пределы двора. Поэтому новые [косяки] из-за их толщины нельзя было поставить точно на место, где до того стояли старые, и поэтому [пришлось] оттесать немного, примерно в ширину ладони, в одном месте от одной из мостовых плах.

Когда косяки были установлены и [створки] ворот наведены, то [старосты] улицы св. Михаила пошли и привели посадника и тысяцкого и уселись [с ними] напротив ворот перед церковью св. Михаила. Там собралось большое число возбужденных людей и были отряжены посланцы [позвать] приказчика двора. Когда он пришел к ним к церкви, то старосты улицы св. Михаила стояли там со щепю, которую они оттесали от одного косяка, они обвинили приказчика двора в том, что он, [устанавливая косяки], украл их землю, и требовали, чтобы немедленно на месте было проведено судебное заседание. Они заявили, что хотели бы на воротах повесить приказчика двора вместе с оттесанной ими от косяка щепой.¹⁷

Приказчик на это ответил, что он не собирается терять [свою должность] при дворах, выступая [как сторона] в судебной тяжбе, ибо это не приказано ему его начальником; косяки и ворота уже установлены, пусть они подойдут и осмотрят их. Если старосты улицы св. Михаила смогут сказать им под крестным целованием, сколь много или мало захватили косяки их земли, то тогда пужно будет их переместить, по не иначе. Равным образом они [т. е. уличане] в свою очередь должны будут тогда [снести] то, что они пристроили к частоколу вокруг Готского двора, так как они [т. е. эти постройки] придают верхней части частокола уклон внутрь двора и он не стоит вертикально;¹⁸

---

¹⁷ Чтобы понять беспокойство уличан по такому на первый взгляд непозабачительному поводу, как обновление ограды, обратимся к данным археологических раскопок в Новгороде, рассказывающим об устройстве новгородских улиц. Ширина их была «в большинстве случаев 3,5 м (1,5 сажени), пока раскопана только одна улица шириной в 4,4 м (2 сажени)» (*Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 32). Если учесть, что, по археологическим данным, расстояние между улицами было только 70–80 м (там же), то становится понятно, что уличане должны были ревниво беречь свою территорию. Картина средневековых улиц дополняется сведениями о частоколах, стоявших вплотную к торцам мостовых плах по обе стороны от мостовой и ограждавших участки отдельных уличан (там же, с. 34).

¹⁸ Археологические раскопки подтверждают, что западная часть Готского двора была расположена на рыхлом культурном слое, так что строители опасались, что даже постройки двора смогут дать из-за этого там перекоп и поэтому употребляли целую систему специальных укреплений (*Рыбина Е. И.* Готский раскоп, с. 208).

если придется ставить новый частокол, то, пожалуй, при этом будет потеряно [для двора] полсажени [земли], если не более.

Тут Иван Лукинич, который был тогда посадником, счел нужным сказать, что не мы [т. е. немцы] пригласили его сюда, и он намерен в первую очередь разобраться в деле о воротах; если с этим делом будет покончено и если мы [немцы] его тогда пригласим осмотреть частокол, то он найдет еще достаточно времени, чтобы прийти. В заключение он сказал, что обо всем этом доложит Новгороду [вечу] и епископу.

После случалось неоднократно, что когда Иван Лукинич встречал приказчика двора, то он ему каждый раз говорил, чтобы он переместил косяки назад, но он [приказчик двора] не хотел этого делать, пока они [старосты улицы св. Михаила] ему под крестным целованием не скажут, на какое расстояние, и пока они [уличане] не снесут то, что они пристроили к частоколу вокруг двора. Таким образом, конфликт этот еще не улажен.

Русского же [плотника], который их [ворота] ставил, те с улицы св. Михаила [т. е. уличанская организация] оштрафовали и запретили ему закончить работу над воротами; так они стоят еще с незаполненными досками верхними долями створок и без павершия, потому что никто [из русских плотников] не осмеливается их доделать. Приказчик двора ходил с надзирателями к старосте улицы св. Михаила и предупредил его, что если двор будет обворован из-за [недоделанных] ворот, то наши ольдерманы обратятся к Великому Новгороду [за возмещением] убытка. Таково еще положение этого [дела]. Еще вчера они [ольдерманы Немецкого двора] встречались [по этому делу] с Александром Лоцковым;¹⁹ какие у них [уличан или повгородцев вообще] намерения, этого мы не знаем, поэтому не можем Вам написать, как это [дело] еще кончится.

[Сообщаем], что к Вам прибудет в качестве посла некто по имени Апанья Семенович,²⁰ он был в то время тысяцким, он присутствовал [при событиях] у ворот, ему хорошо известно, как развивались эти вышеописанные дела, потому что он более года был тысяцким и в его время не был оштрафован ни один пемец, он судил все время наилучшим образом. Учтите все это, когда Вы будете говорить об этих делах, и защитите дворы и купцов, так как Вы имеете для этого больше сил, чем мы здесь. Если Вы этого не сделаете, то мы боимся, что во всех этих делах [положение] купцов здесь ухудшится, поэтому очень важно, чтобы Вы поговорили и о частоколе, а также и о денежных поборах».

На этом в письме кончается изложение конфликта. Последующие абзацы посвящены иным наболевшим вопросам новгородско-ганзейских отношений.

Данный насыщенный материалом документ особенно интересен тем, что содержит единственный в своем роде репортаж о дей-

¹⁹ «...myt Alexanderen Lotescowen» (var. Lotzkouw). Возможно, это имя одного из старост Михайловой улицы.

²⁰ В тартуской копии ошибочно назван Iwane Smenevitze.

ствиях и заботах одной из улчанских организаций Новгорода XV в. Мы как бы своими глазами видим активную борьбу улчан за каждую пядь своей земли. Причем это не был факт, случайно вызванный временным обострением повгородско-ливонских отношений на рубеже 30—40-х гг. XV в. Аналогичные конфликты зарегистрированы в ганзейских источниках второго десятилетия указанного века, нечто подобное упоминает и проект договорной грамоты 1371 г.²¹ Несомненно, что борьба улчан за ничтожную территорию улицы носила принципиальный характер, но вместе с тем расположение строений улчан вплотную к частоколу Готского двора, вопреки наличию в средневековом Новгороде многих незастроенных территорий в виде пустырей, пашен и огородов, свидетельствует, что сама Михайлова улица была застроена настолько плотно, что несостоятельные улчане были вынуждены использовать каждый клочок незанятой земли, даже если это было опасно из-за частых пожаров.

Мы узнаем, что улчанская община имела минимум двух старост и что эти старосты не принадлежали к боярству. Иначе они в письме были бы названы по именам и не вели бы себя так возбужденно перед посадником и тысяцким. Права улчанской организации были явно ограничены в случае конфликтов с ганзейскими купцами. Ведь статус ганзейских купцов и их дворов регулировался договорами, заключенными высшей властью Новгорода — вечем, которым в XV в. полновластно руководил орган боярской олигархии — совет господ. Боярство, кроме купцов, было сословием, наиболее заинтересованным в торговле с Ганзой. Пушнина и воск, главные товары новгородского экспорта,²² были продуктами, получаемыми им со своих безграничных владений на севере и востоке Новгородской земли. В обмен ганзейцы снабжали боярство дорогими фландрскими сукнами и французскими винами.²³ Поэтому представители республиканской власти, степенные посадник и тысяцкий, действовали даже при таком явном нарушении узаконенной старины приказчиком двора крайне нерешительно, ограничиваясь обещанием доложить об этом архиепископу и всему Новгороду на вече. Но улчанская организация имела право карать лиц, входивших в эту общину, что нашло свое выражение в строгом наказании плотника. Становится понятным наблюдение археологов, что постройки Готского двора несут явные признаки того, что они сооружены иноземными плотниками.²⁴ Переписка Немецкого двора подтверждает это. В ней имеются многочисленные просьбы прислать из ливонских городов плотников и других строителей,²⁵ хотя Новгород был богат ре-

²¹ См.: ГВНЦ, № 41, с. 74; примечания 13 и 14 в настоящей статье.

²² *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода в XIV—XV вв. М., 1963, с. 159.

²³ Там же, с. 204 и 332.

²⁴ *Рыбина Е. А.* Готский раскоп, с. 210.

²⁵ LUB, Vd IV, № 1822, [1410]; Vd IX, № 274, [1438].

месленниками, по описи, как мы видим, неохотно выполняли заказы Немецкого двора, будучи членами уличанских общин.

Данные письма позволяют уточнить, как далеко на восток простиралась территория Готского двора. В тексте ясно сказано, что пресловутые ворота находились напротив церкви Михаила Архангела. На схематическом плане А. И. Никитского, воспроизведенном Е. А. Рыбиной, этот храм показан значительно восточнее участка двора.²⁶ Такое уточнение, конечно, возможно, ведь названная церковь существует и поныне.

Крайне интересно упоминание в письме большой толпы уличан, явно недоброжелательно наблюдавших за разбором их жалобы посадником. Здесь мы ощущаем мнение массы рядовых «черных людей» Новгорода, которые очень внимательно следили за проведением республиканскими властями политических мероприятий по отношению к Ганзе и Ливонии и не всегда их одобряли.

---

²⁶ *Рыбина Е. А.* 1) Раскопки Готского двора... , рис. 1, с. 101; 2) Археологические очерки... , рис. 18, с. 108, где дан план раскопов в Новгороде с указанием местоположения немецких дворов.